

Костас Варналис
в переводах с греч. **Е.Н. Колесова**

Опубликовано в книге:
Варналис, К. Стихотворения и поэмы
Сост. В. Соколюка; Предисл. В. Меньшикова;
Коммент. В. Соколюка и Т. Кокуриной
М.: Художественная литература, 1985,
с. 94-105

Трижды раб

Он вертится на сене, точно уж
(два раза в день кормили бы хотя!).
С рассветом просыпается шутя
сей доблестный двадцатилетний муж.

Его встречает таинство Природы:
щебечут птицы, вдаль стремятся воды,
и надо всею этой красотой
царит в тиши господь наш всеблагодый.

Он трудится с зари и до зари,
чтоб выбиться хоть как-нибудь в цари,
в наместники иль около того,
чтоб мучились другие за него.

Но старится и тело, и душа –
а он все раб, в кармане ни гроша.
Умолкли птицы, отзвенели воды,
а Смерть-старуха все торопит годы.

Как стать хозяином, он так и не узнал.
Когда б ему хоть кто-то подсказал,
он рад бы был солгать, украсть, убить,
а грех “любовью к Родине” прикрыть!

Но пробил час – и отошел старик.
О чем же думал он в последний миг?
Не довелось, мол, – Смерть неумолима! –
узреть весь мир в пожаре Хиросимы.

Круг

Родился ты весенним ясным утром –
как отливало море перламутром!
А жил во тьме и света не видал,
и смертный час во тьме тебя застал.

Была и родина, и был король, и бог,
и лишь работы ты найти не смог.
Раз впрягшись, ты спины не разогнул –
и до конца так лямку и тянул.

Взяла двух сыновей твоих война.
Зачем тебе и жизнь теперь нужна?
Но проклинать ты никого не смел –
как можно, коль всевышний повелел!

Не смел и “янычаров” проклинать,
когда они твою забили мать:
не выдала она подонкам сытым,
какой дорогой ты ушел к “бандитам”.

Ты верил с колыбели до могилы
в непогрешимость “Разума” и “Силы”,
тебе суливших мир и благодать
и обещавших древний город взять.

“Пускай приходит варвар и пират –
ни шагу мы не сделаем назад!”
Вот он пришел – и первыми они
нас предали в те тягостные дни,

и лишь народ простой в родных горах
восстал тогда с оружием в руках.
Ты слишком поздно понял, что на деле
“столпам отечества” важны иные цели,

и нет у них ни родины, ни бога,
и лишь к наживе их манит дорога.
И слишком поздно понял ты, что были
убийцами – ведь то они убили

твоих детей и старенькую мать! –
те деспоты, которых почитать
тебе пришлось и за которых ныне
гниешь ты в этой каменной пустыне!

И знай ещё – хоть запоздал совет:
твой главный враг не чужеземец, нет!
Чем в лес чужой с облавою идти,
своих шакалов прежде укроти!

Золотая родина

Играют в море волны золотые,
сверкают горы, солнцем залитые,
а из цветов и золотых камней
слагается узор текущих дней.

Итак, вперед! Пусть Муза в этот час
тебя сопровождает на Парнас.
К источнику воды живой прильни
и Локсия по праву обними –

пусть увенчает он тебя венком:
“Ты юн, силен, с работой знаком,
Судьбою и Природою любим
и для нападок Зла неуязвим!

На мощных крыльях в небо поднимись
и в целом мире гордо воцарись!
Твоя прекрасна Родина вовек,
ты – красоты творец, ты – Человек!”

Но как темно и холодно кругом!
Все сломано, все отнято врагом –
и Родина, и Счастье, и Мечта,
и Правда, и Закон, и Красота.

Проснись, народ, и спящих пробуди!
На смертный бой с тиранами иди!
Покончи с ними – и перед тобой
все снова озарится красотой.

И Родина твоею станет вновь,
живыми станут Слово, Мысль и Кровь.
Не будет ни тиранов, ни господ –
Хозяином да будет сам народ!

Конец

Вот мы и встретились. Но не в долине,
не на горы заснеженной вершине,
не в море, не на огненной черте –
мы встретились в бездонной Пустоте.

Не мы себе избрали этот путь,
с которого уж некуда свернуть:
за годом год ввергают нас сюда
все те же злые “духи” – господа.

Бог богачей за нами надзирает:
ни слов, ни снов сюда не допускает,
чтоб в Горний мир из Юдоли земной
не доносился крик беды чужой.

В грязи господ гниют наши тела,
в их лжи давно душа наша сгнила.
Как звери, мы спешим, покуда живы,
друг друга съесть ради чужой наживы.

Какой же мразью те подонки были,
что целый мир в темницу превратили!
Тут хоть бушуй, хоть вой в кромешной мгле –
нам не досталось места на земле.

– Но где же выход? – Мы его найдем,
когда все вместе мы на бой пойдём!
Когда борьбы священный час пробьет,
объединенный победит народ!

История

Ты устал, ты упал; оборвался твой путь.
Хоть до цели еще далеко – ну и пусть:
пусть другие шагают, страдая от ран...
Ну а ты отдохни, бедный мой ветеран!

Ты безлик, безымянен, как пыль на ветру,
ты такой же, как все, и проста твоя речь.
Но однажды весной, на заре, поутру
вновь вернутся к тебе и решимость и меч.

Прежде, в детстве, ты верил, что ты не умрешь,
а потом – что не зря свою жизнь проживешь;
а узнав, что бессмысленна жизнь без борьбы,
ты об этом кричал, чтоб узнали рабы.

Но едва только раб кандалы разрывал
и врагов чужеземных в бою разбивал –
налетали с цепями свои богачи,
чтоб сковать и в темницу его заточить.

Но кончается ночь, наступает рассвет!
К новой битве копи опыт горестных лет:
чтоб свободы своей не утратить опять,
надо прежде своих богачей заковать.

Остров стариков

Лето. На молу – развалины мельницы.
На ступенях из грубого серого камня
сидят старики, уставившись в одну точку:
позади у них море, а впереди – смерть.

Будто окаменев, оперев руки на палки,
часами глядят они в иссохшую землю,
которая скоро поглотит их. И молчат.
Говорить не о чем: все сказано, и давно.

Нет у мельницы крыльев, и у стариков тоже.
Зачем они им? Крылья без силы – обуза.
Все, что им нужно еще на этом свете, –
забыть обо всем, что было у них и с ними.

Им страшно думать, говорить и желать.
Когда-то в юности, когда кровь кипела,
они дерзнули подумать – и пожалели об этом,
промолвили слово – и замолчали навек:

за каждое слово им с лихвой отплатили
кровью, дубинками и тюрьмой. И они
крепко усвоили нехитрую мудрость:
в Аду Законов грешником быть не стоит.

Путь уж лучше народ ломит спину на богачей,
пусть голодные по-прежнему кормят сытых,
пусть на глазах убивают невинных,
а кучка “счастливых” наслаждается жизнью!

Вот так из-за них по земле и шагали
война за войною, беда за бедою,
и всякий раз раб, победив, оставался рабом,
а хозяин, хоть и непобежденный, – хозяином.

Ветер окреп, и люди на берегу заспешили.
Два боевых корабля бросили якорь на рейде;
чайки мелькают над ними, будто клинки.
А старики все сидят, точно идола “мира иного”.

Им уже никогда не сбросить со спин
свой опостылевший скарб. Так и бредут они

вдоль по песку, оставляя цепочку следов,
не виня и не чувствуя жалящих мух.

Ни цветущие розы, ни звонкий голос весны,
ни юные девушки в шортах – ничто
стариков не трогает, не волнует;
телом живые, они духом давно мертвы.

Из желаний осталось у них лишь одно:
успокоиться. Лечь и больше не встать.
Ибо, стоя иль сидя, ночью иль днем,
они помнят и любят одно только свою боль.

О, поколение мелких, собачьих душонок!
Вы хуже отцов, и хуже вас ваши дети.
Так и не жить, видно, овцам без пастуха,
а народам – без “добрых” хозяев!..

Улица Стадиу

“Что? Где? Куда?..” Седьмой десяток лет
я все хожу, брожу по белу свету;
победы, слава – кануло все в Лету.
Хромой старик! Я беден, наг и сед.

Кем был слепой, которого ведут
навстречу мне? И как его зовут?
Не помнит он. И будь он трижды гений,
он стал теперь ничтожней тени.

Вот баба старая. Увядшая краса,
глаза слезятся, комом волоса,
в тряпье одета – а была богата,
и молода, и счастлива когда-то.

Вот с этим мы учились вместе в школе.
А тот – писака, литератор, что ли.
А вот и ты, любовь моя и горе...
Печальные обломки в бурном море!

Что за листок белеет у крыльца?
“О смерти мужа, сына и отца
с прискорбием...” Что ж делать? Пусть висит.
Чужая смерть не ноет, не болит...

Но вдруг ты понял: пишут о тебе.
Не о чужой, а о твоей судьбе!
Забыты мы, хоть нас не отпевали,
и умерли, хоть жить не начинали.

Отыщется ль меж нами хоть один
достойный человек и гражданин?
Ведь тех, кто лгать и грабить не желает,
пожизненно на каторгу ссылают.

А те, кто рвется вверх любой ценой
(Мечом, Крестом, Пером или Мошной),
чем выше, тем сильнее вредит Народу,
преследуя Науку и Свободу.

Вдали синееет моря глубина,
над ней небес парит голубизна,
а здесь – могилы. Но не в этом суть:
по ним проляжет в будущее путь!